

УДК 339.9

DOI: 10.34670/AR.2026.10.19.001

ЕАЭС и БРИКС в трансформации глобальной экономической архитектуры: институциональные аспекты

Решетина Ирина Алексеевна

Студент,

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;

e-mail: reshetinairina18@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена соотношению Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и БРИКС в условиях фрагментации мировой экономики и ослабления универсального характера институтов послевоенного глобального управления. Цель работы – показать, при каких условиях два объединения с различной институциональной природой могут выступать не конкурирующими, а взаимодополняющими элементами внешнеэкономической стратегии России. Методологически работа опирается на сравнительный институциональный анализ, сопоставление экономического масштаба и интеграционной глубины объединений, а также на анализ официальной статистики ЕЭК, БРИКС, МВФ и Нового банка развития. Показано, что БРИКС обеспечивает масштаб и переговорный вес, тогда как ЕАЭС формирует более глубокий региональный контур с наднациональным регулированием и развитой практикой расчетов в национальных валютах. Выделены три канала сопряжения ЕАЭС и БРИКС: торгово-логистический, финансово-расчетный и институционально-политический. Отдельное внимание уделено институциональной асимметрии объединений: ЕАЭС включает пять государств с наднациональными органами и общим рынком, тогда как БРИКС охватывает одиннадцать стран, около 49,5% населения мира и около 40% мирового ВВП, но не имеет учредительного договора, единого бюджета и постоянного секретариата. Установлено, что доля расчетов в национальных валютах во взаимной торговле ЕАЭС достигла 92,9% в 2024 г., тогда как расчетная инфраструктура БРИКС остается на стадии пилотных проектов, а Новый банк развития предусматривает доведение доли финансирования в национальных валютах до 30% при целевом объеме одобряемого финансирования 30 млрд долл. США. Сделан вывод, что для России наиболее реалистична не стратегия ускоренного создания единой валюты БРИКС, а постепенное развитие практической совместимости платежной инфраструктуры и проектного финансирования. Практическая значимость работы состоит в определении приоритетных направлений сопряжения двух объединений во внешнеэкономической политике России: развития платежной инфраструктуры, механизмов клиринга и участия в проектом финансировании Нового банка развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Решетина И.А. ЕАЭС и БРИКС в трансформации глобальной экономической архитектуры: институциональные аспекты // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Том 16. № 6А. С. 17-25. DOI: 10.34670/AR.2026.10.19.001

Ключевые слова

БРИКС, глобальная экономическая архитектура, ЕАЭС, МВФ, национальные валюты, Новый банк развития, фрагментация, экономическая интеграция, институциональная комплементарность, дедолларизация.

Введение

Мировая экономика переживает не только очередной циклический спад, но и перестройку правил, каналов и институтов международного взаимодействия. После глобального финансового кризиса 2008-2009 гг. прежняя модель глобализации, основанная на универсализации торговых правил и доминировании западных финансовых институтов, стала сталкиваться с ограничениями; напряжение между углублением экономической интеграции и национальным суверенитетом описано в литературе как «парадокс глобализации» [Rodrik, 2011]. После 2022 г. эти ограничения стали проявляться быстрее: усилились санкционные режимы, возросла роль технологических барьеров, изменилась география торговых потоков.

В литературе этот процесс описывается через понятия геоэкономической фрагментации, деглобализации, регионализации и перехода к многополярности [Aiyar, Chen, Ebeke et al., 2023; Портанский, 2024]. Спартак связывает эти изменения с формированием нового мирового экономического порядка, основанного на более сегментированной, регионально организованной системе [Спартак, 2022]. Одним из примеров институционального дисбаланса остается реформа МВФ: Шестнадцатый общий пересмотр квот завершился увеличением квот на 50%, но их распределение осталось пропорциональным прежним долям, то есть представительство быстрорастущих экономик не изменилось [International Monetary Fund, 2023].

Российская внешнеэкономическая стратегия не может опираться только на один контур. ЕАЭС и БРИКС решают разные задачи: ЕАЭС обеспечивает сравнительно глубокую региональную интеграцию с наднациональным регулированием и общим рынком, тогда как БРИКС – это политико-экономическая коалиция крупных и средних экономик Глобального Юга, а не интеграционный союз в классическом смысле. Научная проблема состоит в том, что ЕАЭС и БРИКС нередко рассматриваются как альтернативные, конкурирующие направления внешнеэкономической политики России, тогда как вопрос об их функциональной совместимости остается недостаточно систематизированным. Цель статьи – показать, при каких условиях ЕАЭС и БРИКС могут выступать взаимодополняющими элементами формирующейся многополярной экономической архитектуры, и определить реалистичные для России направления сопряжения этих объединений.

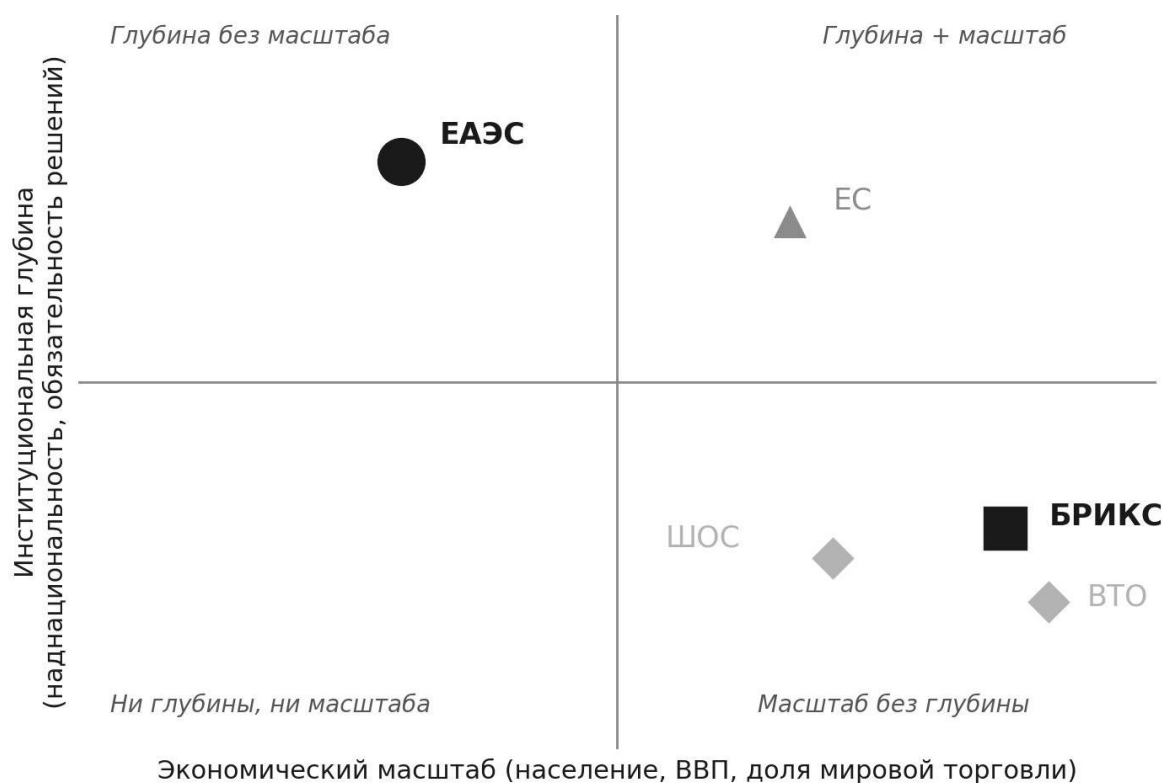
Материалы и методы исследования

Под сопряжением ЕАЭС и БРИКС понимается не создание единого надстроечного института, а формирование устойчивых каналов взаимодействия между разными уровнями экономической координации – идея, близкая к институциональной комплементарности, когда разные институты усиливают друг друга за счет взаимной компенсации ограничений [Норт, 1997]. Классическая теория экономической интеграции описывает последовательное движение от зоны свободной торговли к экономическому союзу [Норт, 1997]; в этой логике ЕАЭС ближе

к традиционной модели региональной интеграции, тогда как БРИКС устроен принципиально иначе и функционирует скорее как гибкая сеть коалиций [Кузнецов, 2020], чем как формальный институт. Хейфец вводит понятие «накопительной модели» международной экономической интеграции, при которой взаимодействие развивается через последовательное наложение отдельных проектов [Хейфец, 2023], а расширение БРИКС+ рассматривает как закономерный результат этой логики [Хейфец, 2024]; схожую трактовку дают Лисоволик [Лисоволик, 2023] и Штункель [Stuenkel, 2020]. Медведев рассматривает торгово-экономическую связанность ЕАЭС и БРИКС через призму переориентации торговых потоков [Медведев, 2024]. Методологически исследование опирается на сравнительный институциональный анализ и сопоставление экономического масштаба и интеграционной глубины объединений с использованием официальной статистики ЕЭК, БРИКС, МВФ и Нового банка развития.

Результаты и обсуждение

Институциональная асимметрия ЕАЭС и БРИКС. Официальные материалы председательства Индии в БРИКС-2026 указывают, что объединение включает 11 стран – Бразилию, Китай, Египет, Эфиопию, Индию, Индонезию, Иран, Россию, Саудовскую Аравию, ЮАР и ОАЭ; вместе они представляют около 49,5% населения мира, 40% мирового ВВП и 26% мировой торговли [BRICS India 2026]. Однако у БРИКС нет учредительного договора, единого бюджета и постоянного секретариата [BRICS Brazil 2025a]. Именно здесь возникает ключевая асимметрия: ЕАЭС – это «глубина без глобального масштаба», БРИКС – «масштаб без глубокой интеграции» (см. рисунок 1 и таблицу 1).

**Рисунок 1 – Институциональная асимметрия ЕАЭС и БРИКС:
экономический масштаб и глубина интеграции**

Таблица 1 – Сравнительная характеристика ЕАЭС и БРИКС

Показатель	ЕАЭС	БРИКС
Количество участников	5 государств	11 государств
Население / охват рынка	около 185 млн человек	около 49,5% населения мира
Экономический вес	ВВП свыше 2 трлн долл. США	около 40% мирового ВВП
Расчеты в нац. валютах	92,9% взаимной торговли (2024 г.)	стадия пилотных проектов
Институциональная основа	договор, ЕЭК, Суд ЕАЭС	саммиты, декларации, НБР

Источник: составлено автором по данным [Евразийская экономическая комиссия, 2026]

Три канала сопряжения. Сопряжение ЕАЭС и БРИКС реализуется по трем направлениям разной степени зрелости (см. таблицу 2). Торгово-логистический канал уже дал конкретные результаты: соглашения ЕАЭС о свободной торговле с отдельными странами, развитие коридоров Восток-Запад и Север-Юг, статус стран-партнеров БРИКС у Беларуси, Казахстана и Узбекистана [BRICS Brazil 2025b]. Финансово-расчетный канал развит неравномерно: доля расчетов в валютах ЕАЭС во взаимной торговле достигла 92,9% в 2024 г. [Отчет о реализации основных ориентиров макроэкономической политики государств – членов ЕАЭС на 2024–2025 годы, 2026], тогда как расчетная инфраструктура БРИКС остается на стадии пилотных проектов. Институционально-политический канал наиболее заметен в декларациях БРИКС и координации позиций по реформе МВФ и Всемирного банка, но ограничен консенсусным характером принятия решений.

Таблица 2 – Каналы сопряжения ЕАЭС и БРИКС

Канал	Содержание	Степень зрелости	Ограничение
Торгово-логистический	Переориентация товарных потоков, транспортные коридоры, соглашения о свободной торговле	Средняя	Инфраструктурные и страховые риски
Финансово-расчетный	Расчеты в нац. валютах, платежная совместимость, финансирование через НБР	Неравномерная	Валютные риски, отсутствие клиринга
Институционально-политический	Координация позиций по реформе МВФ и Всемирного банка	Высокая на декларативном уровне	Консенсусный характер БРИКС

Источник: составлено автором

Новый банк развития (НБР) – наиболее институционально оформленный финансовый механизм БРИКС. Стратегия НБР на 2022-2026 гг. предусматривает одобрение финансирования на 30 млрд долл. США, из которых 40% приходится на климатические и энергетические проекты, а доля финансирования в национальных валютах должна достичь 30% [New Development Bank, 2022–2026]. Для евразийского пространства потенциал банка ограничен неполным составом акционеров из числа стран ЕАЭС, поэтому участие в проектах НБР следует рассматривать как один из элементов сопряжения, а не универсальное решение инвестиционного дефицита.

Количественная динамика сопряжения ЕАЭС и БРИКС после 2022 года. После 2022 г. процессы экономической перестройки и усиления региональных форм взаимодействия получили дополнительный импульс. Изменение структуры внешнеэкономических связей России и других участников ЕАЭС сопровождалось ростом роли национальных валют,

развитием альтернативных финансовых механизмов и расширением институционального участия стран Глобального Юга.

Одним из наиболее заметных результатов стало увеличение роли национальных валют во взаимных расчетах государств – членов ЕАЭС. Согласно данным Евразийской экономической комиссии, доля расчетов в национальных валютах во взаимной торговле ЕАЭС достигла 92,9% в 2024 г., что свидетельствует о высокой степени адаптации регионального платежного пространства к новым внешним условиям. При этом данный показатель является существенно выше уровня начала 2020-х годов, когда доля использования национальных валют была менее устойчивой и значительно зависела от структуры отдельных торговых потоков.

Одновременно расширился глобальный экономический масштаб БРИКС. После расширения объединения в 2024 г. за счет включения новых участников БРИКС стал представлять около 45–50% населения мира, около 40% мирового ВВП по паритету покупательной способности и более четверти мировой торговли. Это усилило значение объединения как площадки координации интересов крупных развивающихся экономик, хотя при этом не превратило его в классический интеграционный союз с едиными обязательствами.

Отдельным направлением институционального развития является деятельность Нового банка развития (НБР). В Стратегии развития на 2022–2026 гг. банк установил целевой объем одобряемого финансирования в размере 30 млрд долл. США, при этом 30% финансирования должно осуществляться в национальных валютах, а 40% средств направляться на проекты климатического и энергетического перехода. Эти параметры демонстрируют постепенное формирование альтернативных механизмов финансирования развития, однако их масштаб пока существенно уступает традиционным международным финансовым институтам.

Для ЕАЭС и БРИКС данные тенденции имеют различное значение. Для ЕАЭС основным результатом становится укрепление внутренней финансовой автономии через расширение расчетов в национальных валютах и развитие региональной платежной инфраструктуры. Для БРИКС ключевым эффектом является увеличение экономического масштаба и расширение возможностей коллективного финансирования проектов. Таким образом, количественные показатели подтверждают наличие объективной основы для сопряжения двух объединений, однако одновременно демонстрируют различие их функций: ЕАЭС формирует инструменты глубокой экономической интеграции, тогда как БРИКС создает более широкий международный контур взаимодействия.

Ограничения БРИКС+ и приоритеты России. Гибкость и открытость БРИКС одновременно являются его ограничением: чем шире состав, тем сложнее согласовать обязательные правила, а различие интересов участников снижает вероятность быстрой институционализации объединения. Поэтому для России более реалистична не стратегия ускоренного создания единой валюты БРИКС, а поэтапное развитие практической совместимости: расчетов в национальных валютах, механизмов клиринга, инструментов хеджирования валютных рисков и координации финансового мониторинга. Для ЕАЭС задача состоит в сохранении и расширении достигнутого уровня расчетов в национальных валютах, а для БРИКС – в переходе от деклараций о дедолларизации к конкретным механизмам платежной совместимости и проектного финансирования.

Заключение

ЕАЭС и БРИКС не являются альтернативными вариантами внешнеэкономической стратегии России, а представляют собой два разных уровня формирующейся многополярной

экономической архитектуры: ЕАЭС обеспечивает глубину региональной интеграции, БРИКС – глобальный масштаб и переговорный вес. Их устойчивое сопряжение возможно не через создание единого наднационального органа, а через практические каналы – торгово-логистический, финансово-расчетный и институционально-политический, из которых наиболее зрелым остается евразийский расчетный контур.

Главное ограничение модели – высокая неоднородность БРИКС+, что делает малореалистичными быстрые решения вроде единой валюты. Для России более обоснована стратегия последовательного наращивания совместимости: развитие платежной инфраструктуры, расширение использования национальных валют, участие в проектах НБР и согласование финансовых стандартов. Направления дальнейших исследований связаны с количественной оценкой эффектов расчетов в национальных валютах и с анализом отраслевой структуры проектов НБР на пространстве ЕАЭС.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ЕАЭС и БРИКС занимают различные, но взаимодополняющие ниши в формирующейся многополярной экономической архитектуре. В отличие от распространенного подхода, рассматривающего данные объединения как альтернативные направления внешнеэкономической политики России, их взаимодействие целесообразно анализировать через призму институциональной комплементарности. ЕАЭС обеспечивает высокую степень региональной интеграции благодаря наличию наднациональных институтов, единого правового пространства и развивающейся системы расчетов в национальных валютах, тогда как БРИКС обладает значительно большим экономическим масштабом, глобальным политическим представительством и потенциалом формирования новых механизмов международного сотрудничества.

Библиография

1. Евразийская экономическая комиссия. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник. 2026.
URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/ce1/ute48wz3sdlbwy9615lftcfqn9ab0yhxBrief_Statistics_Yearbook_2026.pdf
2. Кузнецов Д.А. Сетевая текстура мировой политики: трансрегионализм БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 11. С. 124–131.
3. Лисоволик Я.Д. БРИКС-плюс: новая сила глобального управления // Международная аналитика. 2023. Т. 14. № 1. С. 138–148.
4. Медведев И.В. Сопряжение интеграционных проектов БРИКС и ЕАЭС в контексте развития экономики России // Общество и экономика. 2024. № 3. С. 121–131.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
6. Отчет о реализации основных ориентиров макроэкономической политики государств – членов ЕАЭС на 2024–2025 годы. Евразийская экономическая комиссия. 2026.
URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/663/1u8jk4vskew5ti83d3wisx8rbk6ivn14/Otchyet-o-realizatsii-OOMP-2024_2025.pdf
7. Портанский А.П. Опасность фрагментации глобальной экономики нарастает // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2.
8. Спартак А.Н. Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 7. С. 7–29.
9. Хейфец Б.А. Накопительная модель международной экономической интеграции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. № 1 (16).
10. Хейфец Б.А. БРИКС плюс – закономерный результат накопительной интеграции в условиях геополитической фрагментации мировой экономики // Общество и экономика. 2024. № 1. С. 109–121.
11. Aiyar S., Chen J., Ebeke C. et al. Geo-economic fragmentation and the future of multilateralism // IMF Staff Discussion Notes. 2023. No. 2023/001.

12. Balassa B. The theory of economic integration. Homewood, IL: Richard D. Irwin, 1961.
13. BRICS Brazil 2025. Frequently asked questions about the BRICS. URL: <https://brics.br/en/about-the-brics/frequently-asked-questions-about-the-brics>
14. BRICS Brazil 2025. Nine nations announced as BRICS "partner countries". URL: <https://brics.br/en/news/nine-nations-announced-as-brics-partner-countries>
15. BRICS India 2026. About Us. URL: <https://www.brics2026.gov.in/about-us/>
16. International Monetary Fund. Sixteenth General Review of Quotas – Report to the Board of Governors and proposed resolution. 2023. URL: <https://www.imf.org/en/publications/policy-papers/issues/2023/12/18/sixteenth-general-review-of-quotas-report-to-the-board-of-governors-and-proposed-resolution-542596>
17. New Development Bank. General Strategy for 2022–2026. URL: <https://www.ndb.int/about-ndb/general-strategy/>
18. Rodrik D. The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy. New York: W. W. Norton, 2011.
19. Stuenkel O. BRICS and the future of global order. 2nd ed. Lanham: Lexington Books, 2020.

The EAEU and BRICS in the Transformation of the Global Economic Architecture: Institutional Aspects

Irina A. Reshetina

Student,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: reshetinairina18@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the correlation between the Eurasian Economic Union (EAEU) and BRICS in the context of the fragmentation of the world economy and the weakening of the universal nature of the institutions of post-war global governance. The objective of the work is to show under what conditions two associations with different institutional natures can act not as competing, but as complementary elements of Russia's foreign economic strategy. Methodologically, the work relies on comparative institutional analysis, comparison of the economic scale and integration depth of the associations, as well as on the analysis of official statistics of the EEC, BRICS, the IMF, and the New Development Bank. It is shown that BRICS provides scale and negotiating weight, while the EAEU forms a deeper regional contour with supranational regulation and developed practice of settlements in national currencies. Three channels of EAEU-BRICS conjugation have been identified: trade and logistics, financial and settlement, and institutional and political. Special attention is paid to the institutional asymmetry of the associations: the EAEU includes five states with supranational bodies and a common market, while BRICS covers eleven countries, about 49.5% of the world's population and about 40% of world GDP, but has no constituent treaty, unified budget, or permanent secretariat. It has been established that the share of settlements in national currencies in mutual trade within the EAEU reached 92.9% in 2024, while BRICS settlement infrastructure remains at the stage of pilot projects, and the New Development Bank provides for bringing the share of financing in national currencies to 30% with a target volume of approved financing of 30 billion US dollars. The conclusion is drawn that for Russia, the most realistic strategy is not the accelerated creation of a single BRICS currency, but the gradual development of practical

compatibility of payment infrastructure and project financing. The practical significance of the work lies in determining the priority directions for the conjugation of the two associations in Russia's foreign economic policy: the development of payment infrastructure, clearing mechanisms, and participation in project financing of the New Development Bank.

For citation

Reshetina I.A. (2026) EAES i BRIKS v transformatsii global'noy ekonomicheskoy arkhitektury: institutsional'nye aspekty [The EAEU and BRICS in the Transformation of the Global Economic Architecture: Institutional Aspects]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 16 (6A), pp. 17-25. DOI: 10.34670/AR.2026.10.19.001

Keywords

BRICS, global economic architecture, EAEU, IMF, national currencies, New Development Bank, fragmentation, economic integration, institutional complementarity, de-dollarization.

References

1. Aiyar, S., Chen, J., Ebeke, C., et al. (2023). Geo-economic fragmentation and the future of multilateralism. IMF Staff Discussion Notes, No. 2023/001.
2. Balassa, B. (1961). The theory of economic integration. Richard D. Irwin.
3. BRICS Brazil. (2025). Frequently asked questions about the BRICS. Retrieved from <https://brics.br/en/about-the-brics/frequently-asked-questions-about-the-brics>
4. BRICS Brazil. (2025). Nine nations announced as BRICS "partner countries". Retrieved from <https://brics.br/en/news/nine-nations-announced-as-brics-partner-countries>
5. BRICS India. (2026). About Us. Retrieved from <https://www.brics2026.gov.in/about-us/>
6. Eurasian Economic Commission. (2026). The Eurasian Economic Union in figures: brief statistical yearbook. Retrieved from https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/ce1/ute48wz3sdlbwy9615lftcfqn9ab0yhx/Brief_Statistics_Yearbook_2026.pdf
7. International Monetary Fund. (2023). Sixteenth General Review of Quotas – Report to the Board of Governors and proposed resolution. Retrieved from <https://www.imf.org/en/publications/policy-papers/issues/2023/12/18/sixteenth-general-review-of-quotas-report-to-the-board-of-governors-and-proposed-resolution-542596>
8. Kheyfets, B. A. (2023). Nakopitelnaya model mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii [The cumulative model of international economic integration]. Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo, No. 1 (16).
9. Kheyfets, B. A. (2024). BRIKS plus – zakonomernyy rezultat nakopitelnoy integratsii v usloviyakh geopoliticheskoy fragmentatsii mirovoy ekonomiki [BRICS plus – a natural result of cumulative integration under geopolitical fragmentation of the world economy]. Obshchestvo i ekonomika, No. 1, pp. 109–121.
10. Kuznetsov, D. A. (2020). Setevaya tekstura mirovoy politiki: transregionalizm BRIKS [Network texture of world politics: transregionalism of BRICS]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, Vol. 64, No. 11, pp. 124–131.
11. Lisovolik, Ya. D. (2023). BRIKS-plyus: novaya sila globalnogo upravleniya [BRICS-plus: a new force of global governance]. Mezhdunarodnaya analitika, Vol. 14, No. 1, pp. 138–148.
12. Medvedev, I. V. (2024). Sopryazheniye integratsionnykh proyektov BRIKS i YEAES v kontekste razvitiya ekonomiki Rossii [Interfacing of the integration projects of BRICS and the EAEU in the context of the development of the Russian economy]. Obshchestvo i ekonomika, No. 3, pp. 121–131.
13. New Development Bank. (2026). General Strategy for 2022–2026. Retrieved from <https://www.ndb.int/about-ndb/general-strategy/>
14. North, D. (1997). Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional change and economic performance]. Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala».
15. Portanskiy, A. P. (2024). Opasnost fragmentatsii globalnoy ekonomiki narastayet [The danger of global economy fragmentation is growing]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy, Vol. 19, No. 2.
16. Report on the implementation of the main guidelines of the macroeconomic policy of the EAEU member states for 2024–2025. (2026). Eurasian Economic Commission. Retrieved from https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/663/1u8jk4vskew5ti83d3wisx8rbk6ivn14/Otchyet-o-realizatsii-OOMP-2024_2025.pdf
17. Rodrik, D. (2011). The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy. W. W. Norton.

-
18. Spartak, A. N. (2022). Perekhod k novomu mirovomu ekonomicheskomu poryadku: etapy, klyuchevyye cherty, vyzovy i resheniya dlya Rossii [Transition to a new world economic order: stages, key features, challenges and solutions for Russia]. Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik, No. 7, pp. 7–29.
 19. Stuenkel, O. (2020). BRICS and the future of global order (2nd ed.). Lexington Books.